

От автора

У каждого свой путь в фотографию. Мой — из отрочества.

Всё началось с весенних цветов в Брянском лесу. В тринадцать лет в своих первых походах по придеснянским дебрям я нашел на краю старого соснового бора плавно спускающуюся к ручью всхолмленную поляну, сплошь покрытую куртинами первоцветов. Под соснами цвели мохнатые колокольчики сон-травы, а в низинах, ближе к ручью, негде было поставить ногу, чтобы не наступить на ветреницы и хохлатки. От крупных белых и сиреневых сultanчиков хохлатки поднимался густой парфюмерный запах. Над цветами гудели обмазанные пыльцой тяжелые шмели. Как мне было жаль, что из миллиардов людей, живущих на планете, один лишь я вижу эту весеннюю красоту... Тогда я и решил, что начну фотографировать.

Вечером того дня я рассказал про цветы бабушке. Она согласилась дать деньги на камеру, но надо было несколько дней ждать, когда придет ее сорокапятирублевая пенсия. В поселковом магазине «Культтовары» не было выбора — продавалась только «Смена 8М». Когда с новеньkim фотоаппаратом я вернулся на поляну, то понял, что опоздал: на месте цветов уже выросла высокая летняя трава. Целый год я ждал следующей весны. Не просто ждал, а проштудировал все книги о фотографии в местной библиотеке, научился печатать снимки. 25 апреля 1974 года я вернулся на поляну и не поверил своим глазам. Вместо цветов зияла перевернутая черная земля с торчащими к солнцу древесными корнями. Два гусеничных трактора таскали свежеспиленные стволы сосен, и от их выхлопных труб стоял дым над поляной. Рядом на высоких тонах ревели бензопилы, догрызая остатки соснового бора. Что я мог сделать? Это было мое первое серьезнейшее потрясение от реальностей жизни.

Именно тогда у меня родилось решение спасать Брянский лес от вырубок. Именно тогда, наверное интуитивно, я почувствовал, что увлечение фотографией мне в этом поможет. И полностью переустроил свою жизнь под поставленную задачу. Выходные

дни и каникулы я проводил в лесу. Знания об окружающих местах пополнялись с каждым походом. Я пытался выяснить, где сохранились от вырубок глухаринные тока, где гнездятся хищные птицы, уцелели ли медведи в Брянском лесу. В одном из походов в болотную глуши рядом с заброшенным лесным поселком Скрипкино я встретил пару черных аистов, о существовании которых в Брянском лесу даже не знал. На целых два десятка лет черные аисты превратились в птиц моей мечты. Я собирал каждую крупицу информации о них. Эти краснокнижные птицы селятся в самых глухих местах и очень чувствительны к человеческой деятельности в местах их гнездовий. К сожалению, информация была чаще негативной: о вырубках участков леса с гнездами, об отстреле самих аистов. И все-таки со временем я нашел более двадцати их живых гнезд и стал добиваться запрета хозяйственной деятельности вокруг них. Мне здорово помогало, что на руках у меня были фотодокументы. Вскоре «Смену 8М» заменил «Зенит-Е», а потом и «Фотоснайпер» с трехсотмиллиметровым объективом.

Закончив Брянский пединститут, я устроился работать учителем в школу в лесном поселке Новенькое, поближе к черным аистам, а поселился на берегу лесной речки Неруссы на заброшенном кордоне. При помощи фотографии (публикуя статьи в газетах и журналах, организуя выставки) я нашел союзников, добился вместе с ними организации заповедника «Брянский лес» в 1987 году и стал его первым директором. Нам удалось создать в Брянском лесу еще двенадцать охраняемых природных территорий, на которых запрещены рубки леса, мелиорация и другие разрушительные виды хозяйственной деятельности.

Отработав десять лет директором заповедника, я почувствовал, что пора оставить административно-бюрократическую сторону природоохранной деятельности и полностью сосредоточиться на экологическом просвещении, разъяснении важности заповедного дела как можно большему числу соотечественников. Этим и занимаюсь до сих пор...

* * *

Теперь читателю должно быть понятно, что фотография для меня не самоцель. В первую очередь это мощный инструмент, а порой и оружие в моем главном деле — охране дикой природы. Отсюда и тема моего фототворчества — российские особо охраняемые природные территории: заповедники, национальные парки, заказники.

В современной России 75 процентов населения — горожане. И большинство из них живут в не-пересекающихся мирах с дикой природой, особенно занятые люди, делающие политику и деньги. При этом все ключевые решения по природопользованию — где и сколько рубить лесов, где перегораживать плотинами реки, где качать нефть, где создавать заповедники и национальные парки — готовятся и принимаются в мегаполисах. Чаще всего этим занимаются люди, не имеющие личного опыта общения с дикой природой либо имеющие такой опыт в неприемлемой форме, например в виде вертолетных охот...

Правдивая природная фотография призвана быть одним из мостов между современным урбанизированным миром и дикой природой. Какой фотограф покажет природу, такой она и будет в представлении тех, у кого нет возможностей, знаний, навыков, а порой и желания преодолевать серьезные трудности, чтобы увидеть это своими глазами. И мы, фотографы, можем многое. Вот потрясающий пример: в 1999 году американский фотограф Майкл Николос совместно с исследователем Майком Феем организовали пятнадцатимесячную пешую экспедицию в дождевых лесах Западной Африки. Они прошли мегатрансекту длиной 3200 километров через Конго и Габон. Николос снимал черно-белые снимки самой экспедиции и цветные снимки дикой природы. В журнале National Geographic были опубликованы три фотоистории, рассказывающие об уникальных ценностях тропической природы и о том, что им угрожает. Эти три фотоистории сделали то, чего не могли добиться многие научные экспедиции:

президент Габона организовал сразу тринадцать национальных парков, которые заняли одиннадцать процентов территории страны!

Сkeptiki скажут, что это случилось где-то далеко, а в нашей стране ничего не получится. Тогда вспомните, с чего я начал эту книгу: с поляны первоцветов, которая вместе со своими окрестностями уже около тридцати лет находится в заповедной зоне, и почти двадцать процентов Брянского леса изъято из хозяйственного пользования. Уникален ли мой опыт? Совсем нет! Почти каждый год в современной России создаются новые заповедники, национальные парки, заказники, памятники природы. За ними стоят люди, которые пообещали (чаще всего сами себе!) сделать это — и сделали. И редко кто обходился в этой работе без фотокамер.

* * *

Когда я уходил с поста директора заповедника «Брянский лес», я думал, что география моих фотопутешествий расширится до всей заповедной России. Так и было несколько лет, пока осенью 2004 года я не оказался на Камчатке в Кроноцком заповеднике. Первая фотопоездка длилась всего три недели, но после нее я в очередной раз полностью переустроил свою жизнь. Кроноцкий заповедник затмил весь остальной мир, за исключением родного Брянского леса, и стал моим вторым домом, а Камчатка — второй родиной. Иногда я думаю: как хорошо, что в Кроноцкий мне довелось попасть только во второй половине жизни, после того как я побывал в более чем половине российских заповедников и национальных парков, — иначе, кроме Камчатки, мне ничего уже не захотелось бы увидеть.

Я приехал сюда не только как фотограф, но и как инспектор охраны заповедной территории, благо опыт работы в заповеднике «Брянский лес» никуда не делся. Задача инспектора — следить за строгим заповедным режимом, ежедневно вести дневник наблюдений, фиксировать все изменения и события, происходящие в природе заповедника.

Эта работа позволяет видеть жизнь заповедника «изнутри» и участвовать в ней, к тому же наделяет инспектора немалыми правами, в том числе находиться на территории заповедника с оружием, что не только упрощает борьбу с браконьерами, но и позволяет соблюдать технику безопасности в этом густо населенном медведями крае.

Служба инспектора охраны в заповедниках довольно гармонично сочетается со съемкой дикой природы. Правда, в таких местах, как Долина гейзеров или Курильское озеро, в разгар туристического сезона у инспектора не остается ни сил, ни времени на фотосъемку: приходится часто сопровождать туристов, фото- и киногруппы — но это менее трех месяцев в году.

Инспекторы охраны заповедников получают символическую зарплату и живут в непростых условиях. Но у них есть привилегия видеть то, что другие не увидят даже за большие деньги.

Я тесно связан с Камчаткой и Кроноцким заповедником уже девять лет, за это время скопилось немало фотографий и впечатлений, которыми я регулярно делясь с читателями своего интернет-дневника shpilenk.livejournal.com. Но монитор компьютера не заменит хорошо изданного фотоальбома или выставочной фотографии.

Когда издательство «Манн, Иванов и Фербер» предложило мне подготовить фотоальбом, я решил сделать не просто очередное издание о Кроноцком заповеднике, а фотокнигу о жизни и работе фотографа на особо охраняемых природных территориях, где будут не только красивые снимки, но и истории, которые обычно остаются за кадром, секреты фотографа-натуралиста, переживания, сомнения, удачи и неудачи. Я попытаюсь рассказать, почему обычно встаю до рассвета и почему мне нравится это делать; что получается, когда человек влюбляется в вулкан; почему вес двадцатикилограммового фоторюкзака меня не огорчает, а будоражит и радует; почему автомобиль или мотоцикл гораздо опаснее медведя и как самому сделать шапку-невидимку.